

Потерю этих предприятий к концу лета почувствует вся Украина, - глава Метинвеста об экспроприации активов на Донбассе

Группа Метинвест Рината Ахметова и Вадима Новинского в середине марта объявила о потере контроля над всеми предприятиями, расположенными на временно оккупированных территориях. Этому предшествовали торговая блокада, непрекращающиеся боевые действия в зоне АТО и постоянные обстрелы Авдеевки, где расположен коксохимический завод Группы. О том, что значили для Метинвеста утраченные активы, и какие действия Группа намерена предпринять для сохранения работы остальных предприятий, НВ Бизнес рассказал ее генеральный директор Юрий Рыженков.

– Когда вы узнали, что в так называемых ДНР/ЛНР у вас отбирают активы, какова была ваша реакция?

– Наверное, надо сделать шаг назад. О том, что у нас отбирают эти активы, мы слышим с 2014 года. С тех пор, как только появились эти образования, они с первого дня начали заявлять: отобрать у олигархов, национализировать и так далее. Поэтому ничего особо нового не произошло. Только в этот раз на предприятия зашли вооруженные люди и начали распоряжаться имуществом, которое им не принадлежит. Это основная разница. Нужно понимать, что это было не в один день. Озвучивать это начали еще в декабре или в ноябре прошлого года. Потом была версия, что это произойдет, если железнодорожные пути не будут разблокированы до 1 апреля. Потом заговорили про 1 марта. Но 1 марта ничего не произошло. А 15 марта на активах компании СКМ начались действия по экспроприации. Сепаратисты зашли на шахту Комсомолец Донбасса (принадлежит компании ДТЭК – *ред.*) и начали вывозить уголь. Пришли на наш Енакиевский металлургический завод. Тогда мы поняли, что контроль потерян. Сказать, что это было неожиданностью, нельзя. С тех пор, как началась блокада, мы просчитывали разные варианты развития событий. Еще тогда мы приняли для себя решение, что момент, когда кто-то начнет вывозить нашу продукцию с предприятий, либо, когда кто-то начнет завозить свое сырье и пытаться запустить их работу, давать указания на распоряжение нашим имуществом – это будет тот момент, когда мы будем считать контроль утерянным. 15 марта это произошло, и мы приняли решение о том, что больше не можем нести ответственность за происходящее на той территории.

– Насколько потеря этих предприятий критична для вас?

– Эти предприятия – значительная часть группы. На них пришлось около 5% показателя EBITDA Метинвеста в 2016 году. Более того, на некоторых из них, к примеру, на Енакиевском металлургическом заводе, были сфокусированы инвестиции группы на протяжении последних 10 лет. И это были одни из наиболее модернизированных предприятий.

– Я слышал, что вы инвестировали в Енакиевский меткомбинат миллиард долларов...

– Если говорить про Енакиево, то единственное, что мы не успели там сделать – это построить новую аглофабрику (работы начались в начале 2014 года, но закончены не были – *ред.*). Если бы мы построили еще и аглофабрику, это был бы абсолютно современный завод. Все остальное там уже было приведено в порядок. На предприятии работали новые доменные печи, на которых мы в 2014 году запустили вдувание пылеугольного топлива. Стоял новый кислородный блок, который вместе с нами строила французская Air Liquide. Работали машины непрерывного литья заготовки, которые были построены в последние 10 лет. Это реально современный завод, действительно хороший актив с технологической точки зрения. Конечно, жаль, что всё это утеряно. Другой вопрос, как посмотреть на эту историю. За последние три года эти предприятия то запускались, то останавливались, то снова запускались. Общий убыток предприятий Метинвеста, расположенных на временно неконтролируемой территории, за три года составил больше 210 миллионов долларов. В том режиме, в котором они работали последние три года, денег группе они не приносили. Скорее, это была наша социальная ответственность и наша работа над сохранением активов на будущее. Поэтому много или мало мы потеряли – ответ на этот вопрос кроется в том, что будет дальше с Донбассом.

Если на Донбассе будет продолжаться то же, что происходит сейчас, или происходило последние три

года, то можно сказать, что фактически мы все потеряли еще в 2014 году. Дальше мы просто оттягивали момент признания, что ценность этих активов утрачена. Если ситуация каким-то образом «разрулится» в ближайшие полгода-год, я уверен, что мы сможем вернуться и заявить о своих правах на то имущество, которое по праву принадлежит нам. И дальше будем развивать эти активы. Но здесь я хотел бы акцентировать внимание на другом. Все СМИ писали о том, что Ринат Ахметов потерял имущество. На самом деле, если говорить о том, что потерял Ахметов, группа СКМ, группа Метинвест или ДТЭК, то, я повторюсь, эта потеря состоялась еще в 2014 году, когда не удалось сдержать ситуацию, и она переросла в вооруженный конфликт. А вот сейчас от блокады, от остановки этих предприятий потерял не только Ахметов. Основные потери понесло государство Украина. Налоговые поступления от предприятий Метинвеста, находившихся на неконтролируемой территории, только за прошлый год составили более миллиарда гривен. По нашей оценке, в 2017 году эти предприятия должны были принести Украине 700 миллионов долларов валютной выручки. Потеряно 20 тысяч рабочих мест – это люди, которые получали зарплату, платили налоги и социальные взносы в Украине. То есть самые главные потери далеко не у бизнеса. Бизнес где-то потерял, где-то приобрел – он всегда находит способы развиваться, всегда находит способы зарабатывать. Кто однозначно потерял, так это государство.

– Насколько в том, что случилось, велика вина тех людей, которые устроили блокаду? Это они спровоцировали эту экспроприацию, или она произошла бы и без блокады?

– Это больше политический вопрос. То, что они могли сами спровоцировать – да, вполне возможно, что так. То, что их могли использовать – да, их вполне могли использовать в своих целях. Скорее всего, там всего понемногу. Кто-то искренне верил в то, что надо блокировать пути, и его просто использовали. А кто-то выступил провокатором, чтобы спровоцировать эту историю. Для кого – вопрос открытый.

– Если говорить о конкретных технологических цепочках, у вас там работал крупнейший добытчик коксующегося угля – Краснодонуголь. Какую долю коксующегося угля он давал? Можно ли его чем-то заменить? И будет ли это дороже и насколько?

– В прошлом году он обеспечил нам 8% всех коксующихся углей. Заменить его можно, конечно. Мы рассматривали различные планы действий в случае реализации тех или иных рисков. Работали над этим еще с 2014 года, когда стало понятно, что вероятность подобных вещей существует, и она высока. Поэтому еще тогда мы начали диверсифицировать свои поставки по сырью, которое идет с оккупированных территорий. На самом деле там две ключевых сырьевых позиции: это известняки и коксующийся уголь. По коксующемуся углю мы нарастили морской импорт – забираем практически всю продукцию нашей дочерней компании USS в США. Раньше мы примерно половину продавали на внутреннем рынке США, а половину забирали себе, но с января этого года приняли решение забирать себе весь объем. Кроме того, мы наладили взаимоотношения с другими поставщиками коксующегося угля – австралийскими, канадскими, индонезийскими. И сегодня этот уголь заходит через порт Южный. Третье направление – мы покупаем весь коксующийся уголь, который есть на контролируемой территории Украины. К сожалению, его не так много. В основном это шахтоуправление Покровское, бывшая шахта Красноармейская-Западная (принадлежит Донецкстали – *ред.*). Все, что мы можем у них выкупить, мы выкупаем. И четвертое направление – это поставки угля из России. Потому что логистически это для нас самый близкий источник угля после украинского. Много пишут о том, что это реэкспорт украинского угля с неконтролируемых территорий – это не так! Уголь, который мы покупаем в России, имеет более высокое качество – на неконтролируемой территории Украины такой просто не добывается.

– Вы можете отличить его по качеству?

– Конечно. По качеству угля понятно, откуда он приехал. Невозможно уголь из Донбасса выдавать за уголь из Кузбасса. Они очень легко отличаются. Кузбасский уголь более качественный, чем донбасский. По контролю содержания серы и по истираемости угля можно понять, откуда он приехал. Уголь из Кузбасса мягче и с меньшим содержанием серы. Уголь из Донбасса более жесткий и с большим содержанием серы. Поэтому мы точно знаем, что берем.

Сегодня у Украины нет возможности отказаться от покупки дефицитного сырья за рубежом. Конечно, нам надо иметь альтернативу, если вдруг Россия решит остановить свои поставки. И если Россия их остановит, мы пойдем в Канаду, в Австралию и быстро заместим это сырье. Но если у нас есть возможность покупать качественное сырье у российских поставщиков дешевле, мы должны это делать.

– По поводу угля понятно. А чем вы планируете заменить известняки, которые поставлялись с неподконтрольных территорий и из Крыма?

– До блокады и национализации на неконтролируемых территориях крымские объемы могли легко заменяться производством Докучаевского комбината либо Комсомольского рудоуправления, входящего в группу. После блокады эти предприятия остановились. Сегодня у нас есть четыре направления, откуда мы можем получать это сырье. Во-первых, это Новотроицкое рудоуправление, которое находится недалеко от Волновахи, на контролируемой территории. Практически все производимые там объемы мы

выкупаем. Также есть западноукраинские производители, но их известняк гораздо менее технологичен с точки зрения металлургического производства. Сейчас мы пытаемся найти технологические способы максимизировать его использование. Также есть необходимость закупать высококачественные известняки – аналоги того, что раньше поставлялось с Комсомольского рудоуправления. Это около 15% нашей потребности. Источников здесь, кроме неконтролируемой территории, всего два или три. Фактически тот же пласт, который проходит в Донбассе, переходит в районе Липецка. Но есть и альтернативы – недавно мы делали закупку в ОАЭ. По основным параметрам сырье не уступает российскому, поэтому у нас есть уже диверсификация. Есть также возможность закупок в Польше и Словакии, но по качественным характеристикам их известняк очень похож на западноукраинский. Таким образом, с точки зрения диверсификации поставок сырья проблему с известняком мы решили.

– Во сколько вы оцениваете свои потери?

– Об этом корректно будет говорить, когда мы обнаружим результаты полугодия, потому что любой кризис – это всегда палка о двух концах. Кризис – это одновременно возможность. То, что мы закупали сейчас более высококачественный уголь (а уголь из Донбасса был сравнительно низкого качества), позволяет нам производить кокс гораздо более высокого качества. Да, теоретически мы видим разницу от 30 до 50 долларов на тонну между стоимостью угля с Донбасса и «морского» угля. Но практически какую-то часть из этого мы сможем компенсировать за счет более высокой производительности, получая более высококачественный кокс.

Кроме того, мы очень сильно сконцентрировались на производстве высококачественного ЖРС на наших горнодобывающих активах – с содержанием железа выше 65%. Теперь, смешав все это вместе, мы хотим оценить конечный эффект на доменных печах наших металлургических комбинатов. Не исключено, что очень серьезную долю потерь мы сможем компенсировать за счет повышения производительности на более высококачественном сырье.

– Вернемся к Енакиевскому метзаводу. Вы поставляли туда собственную руду, а готовый прокат с ЕМЗ продавали на экспорт. Соответственно, сейчас вы будете просто руду продавать на экспорт. Насколько это критично?

– В нормальные времена при стабильной работе Енакиевский металлургический завод зарабатывал 100-150 миллионов долларов EBITDA в год для Группы. По рыночной цене на ЕМЗ приходила руда, по рыночной же цене с него уходил металл. И маржа составляла до 150 миллионов! С другой стороны, работа завода в последние годы не приносила денег компании. Поэтому для нас по факту обидна потеря актива, в который вложили очень много денег. Но это гораздо большие потери, повторюсь, непосредственно для экономики страны. Мы перенаправим руду на экспорт и минимизируем свои убытки, попытаемся максимально компенсировать подобным образом потерю этого комбината. А потери для Украины неизбежны.

– Вы использовали свою продукцию для того, чтобы дорабатывать ее на ваших европейских предприятиях. И как теперь быть с европейскими прокатными активами?

– Действительно, один европейский прокатный завод использовал заготовку ЕМЗ – это болгарский Promet Steel. Сегодня этот завод работает как классический европейский перекачик. Мы уже ищем, где мы можем купить для него квадратную заготовку. Для примера, в прошлом месяце мы купили квадратную заготовку на предприятии Курахово-Сталь в Украине, вывезли ее на Promet и произвели арматуру. Сейчас мы в переговорах и с ArcelorMittal в Кривом Роге, и с белорусскими производителями квадратной заготовки. Я думаю, что мы сможем обеспечить этот завод квадратной заготовкой, покупая ее на рынке. Конечно, это будет менее эффективно, чем производство собственной квадратной заготовки из руды, но тем не менее найти этот продукт можно.

– А вы не думали о том, чтобы развивать собственное производство квадратной заготовки на подконтрольной территории?

– У нас есть проект по реконструкции МНЛЗ №4 на комбинате Азовсталь. Есть план переделать ее из слябовой в блюмовую и помимо блюма производить там квадратную заготовку, которую можно использовать на Promet. Такой проект, мы его внимательно рассматриваем. Не исключено, что будем ускорять его реализацию.

– Если говорить о людях, которые остались на временно неподконтрольной территории – как быть с ними? Что компания может для них сделать?

– Люди больше всех пострадали во всей этой истории. Они потеряли работу, потеряли средства к существованию. На самом деле потерю этих предприятий к концу лета почувствует вся Украина. Но эти люди почувствовали ее с самого первого дня. Что мы сделали первым делом? Мы открыли центр в Мариуполе, который трудоустраивает людей, готовых переехать с временно неподконтрольной территории на контролируемую. Предложили рабочие места в Кривом Роге, Запорожье и Мариуполе.

Пока что немногие решились пересечь, порядка 500 человек, но я думаю, что это только начало. По мере того, как ситуация будет ухудшаться – а я уверен, что так и будет – люди будут уезжать оттуда. Что они будут делать там? Насколько мне известно, им обещают как-то платить зарплату, поэтому пока они остаются. Как долго это продлится, я не знаю.

– Были публикации о том, что в России собирали олигархов и принуждали их к тому, чтобы они загрузили сырьем Енакиевский меткомбинат. Говорят, что пытаются подбить на это владельца Новолипецкого металлургического комбината (НЛМК) Владимира Лисина и владельца Северстали Алексея Мордашова. Возможно ли, что они возьмут на себя столь серьезный риск и начнут загружать сырьем ваши предприятия?

– Давайте разберемся. НЛМК не хватает собственного сырья для того, чтобы загрузить свои комбинаты. Комбинат сам покупает сырье. Поэтому если говорить предметно, кто мог бы поставлять это сырье на НКТ, то в теории два основных претендента – это Северсталь и Металлоинвест. Но давайте не будем забывать, что Северсталь – публичная компания, бумаги которой котируются на Лондонской бирже, у нее достаточно серьезные международные проекты. Металлоинвест – также крупная международная компания, привлекающая долговые инструменты на внешних рынках, работающая с кредитными организациями разных стран. Я очень слабо верю в то, что одна из этих корпораций рискнет всем, что у нее есть, рискнет своей репутацией в мире, рискнет попасть под санкции. А работа с контрабандой неминуемо к этому приведет.

– Думаю, они придумают схему...

– В любом случае будет известно, откуда это сырье приехало. Произойдет это через структуры Курченко или через какие-то осетинские фирмы – для мирового сообщества абсолютно не важно. Для него будет важно, что один из ведущих представителей бизнес-элиты России поставил контрабандой свой товар на украденные предприятия, четко осознавая, куда он поедет. Ведь все заводы России и Украины известны, все потребители железной руды известны. Говорить о том, что гипотетическое российское добывающее предприятие поставило кому-то железорудное сырье в Южную Осетию или в Ростов, не зная, куда дальше оно пойдет, – это сказка, которая может пройти перед налоговыми органами Российской Федерации, но точно не пройдет перед мировым сообществом. И она точно не пройдет мимо нас и мимо украинского правительства. Мы будем использовать все доступные нам юридические инструменты для того, чтобы это предотвратить, либо для того, чтобы были введены санкции, было соответствующее наказание и было взыскание убытков. Впрочем, зная такие компании как Металлоинвест, Северсталь и НЛМК, я очень слабо верю в то, что они пойдут на такое. Это фактически перечеркнет всю их репутацию и всю ту работу, которую они проводили до этого в мире.

– Если эти активы невозможно загрузить, зачем тогда лидер террористов так называемой ДНР Александр Захарченко их забрал?

– Я не общался с Захарченко и не могу прокомментировать этот вопрос.

– Что сейчас происходит с Авдеевским коксохимическим заводом? Работает ли он, в каком состоянии, продолжаются ли обстрелы?

– Обстрелы продолжаются. К сожалению, без них не проходит ни одного дня. Ни одной недели не прошло без обесточивания этого завода. И я хочу поблагодарить энергетиков и областную власть за ту самоотверженность, с которой они каждый раз восстанавливают электроснабжение Авдеевки. Ситуация там действительно критическая. Впрочем, завод сейчас работает, мы не останавливали его достаточно давно. У нас законсервирована примерно треть мощностей, работаем на собственной генерации. Соответственно, в моменты подключения внешней энергии завод использует лишнюю электроэнергию на те нужды, для которых не хватает мощностей собственной генерации.

– Почему до сих пор не были построены альтернативные линии энергоснабжения?

– Магистральные линии у нас строят государственные компании, и план по их построению разрабатывает государство. Я считаю, что их надо построить, они должны быть. А почему до сих пор не построили – вопрос не к нам. Есть у нас надежда, что альтернативные линии все-таки построят, и мы сможем хотя бы в этом направлении себя обезопасить.

– Давайте поговорим о реструктуризации ваших долгов. Во-первых, можно вас поздравить с тем, что вы ее завершили. Я понимаю, что это крупнейшая история рефинансирования в Украине. Как в итоге удалось договориться с инвесторами?

– Я думаю, что основная суть договоренностей была о том, что мы подошли с так называемой открытой книгой к инвесторам. Мы сели вместе с ними и выложили модель работы предприятий группы на ближайшие 10 лет. После чего мы вместе посмотрели прогнозы рынков, которые есть. Наложили их на эту модель и посмотрели, что с точки зрения денежных потоков означает та или иная работа. И дальше

наш главный посыл был следующий: мы против того, чтобы наши инвесторы потеряли деньги. Мы не говорим ни о каких списаниях, не говорим о прощении долгов. Мы говорим о том, что собираемся полностью отвечать по нашим долгам, и будем их выплачивать. Единственный вопрос состоит в том, что рынок волатильный, особенно сложным он был в начале переговоров. Соответственно, мы вышли с предложением о том, чтобы создать определенную гибкость во взаимоотношениях «компания – кредитор». Если рынок благоприятный, и у компании есть деньги, то компания ускоряется с точки зрения погашения долгов. Если рынок нормальный, то мы идем по тому графику, который согласовали с инвесторами. И если рынок плохой, то у нас есть право 70% от процентов переносить на платежи будущих периодов в первые два года после подписания реструктуризации. Это абсолютно прозрачная договоренность, которая понятна каждому нашему кредитору. Если все будет хорошо, то компания будет генерировать денежный поток и закрывать свою задолженность. А если будут проблемы, то они понимают, на что пошли ради того, чтобы помочь компании преодолеть временные трудности.

– А как структурирована сделка и чем обеспечены обязательства?

– Мы все наши облигации конвертировали в один вид еврооблигаций с теми условиями, которые я обозначил, и с новым сроком погашения 31 декабря 2021 года. Все банковские кредиты также были конвертированы в единый банковский кредит с поэтапным погашением – начиная с 2019 года до 30 июня 2021 года. У нас есть стандартное обеспечение, которое было и до этого в виде экспортных контрактов, у нас есть обеспечение в виде гарантий украинских компаний, и у нас появилось обеспечение в виде залога акций некоторых из наших предприятий. В частности, это комбинат Ильича, это Ингулецкий ГОК и 50% акций Центрального ГОКа. При этом у нас очень ограниченный список дефолтов, по которым эти залоговые объекты могут взыскиваться. Фактически это ограничено неспособностью нами соблюдать договоренный график оплаты.

– В конце прошлой недели агентства Moody's и Fitch повысили ваш кредитный рейтинг. Вы теряете активы на Донбассе, а вам повышают рейтинг. Как вам это удается?

– Рейтинги были понижены, когда компания находилась фактически в дефолте по своим обязательствам. Проходила дискуссия с нашими кредиторами о реструктуризации. И сейчас, когда мы эту дискуссию закончили, когда у компании есть достаточно четкий план действий на ближайшие 5-6 лет и понятная ситуация с ликвидностью, причин для низких рейтингов не существует.

– Производители жалуются на то, что Укрзалізниця в очередной раз хочет поднять тарифы. На чем вы остановились сегодня с железнодорожниками? Будут они их повышать или не будут?

– Мы считаем, что с тем уровнем качества, с тем уровнем инфраструктуры и с тем уровнем подготовленности, которыми обладает госмонополия, тарифы на грузовые железнодорожные перевозки у нас уже сильно завышены. Но нас беспокоит даже не это. Скорее нас беспокоит, что те средства, которые Укрзалізниця получает от предприятий в виде повышенного тарифа, очень непрозрачно расходуются. В прошлом году мы это уже проходили. Нам рассказывали, какие будут инвестиции в инфраструктуру, что будет проводиться модернизация. Тарифы повысили, деньги с нас собрали, а мы так ничего и не увидели.

– А потом ваши деньги оказались наличными у братьев Дубневичей, которые курируют закупки Укрзалізниця...

– Это не ко мне вопрос, а к НАБУ. Я бы привел другой пример. А именно нашу наболевшую проблему, перегон Камыш-Заря – Волноваха в Мариуполе, ремонтом которого в прошлом году занялась «Укрзалізниця». Это очень маленький ремонт. С точки зрения стоимости, если с тарифом сравнивать, вообще смешной. Тарифы повышаются на миллиарды, а здесь было, по-моему, 40 или 50 миллионов гривен. И обещали нам после этого 22-27 составов в сутки. Но на сегодня в рекордные сутки, может быть, 20 проходило. А обычно средний пропуск – 16-17 вагонов. Это до сих пор сдерживает объемы производства на наших мариупольских комбинатах. Нас смущает не вопрос размера тарифа, нас смущает абсолютно непрозрачное, абсолютное непонятное его расходование. У нас нет регулятора, который мог бы это контролировать. Непонятно, какое министерство должно это делать. Был Минтранс, а сейчас это Минэкономики. В результате мы не понимаем, как от этого тарифа повысится эффективность. В то же время наша эффективность попросту убивается повышением тарифа. Особенно сейчас, когда у нас потеряны потребители на Донбассе. Потерян Алчевский метзавод, который потреблял наше ЖРС, Донецксталь и Енакиевский метзавод. Стоит Днепровский меткомбинат. В таких условиях 25-процентное повышение тарифа приведет к снижению налоговых поступлений и перевозок, возможно, к закрытию каких-то предприятий в Кривом Роге, добывающих железорудное сырье. Как мне кажется, на сегодняшний день совсем не актуально говорить о повышении тарифов. Гораздо актуальнее поговорить об инвестиционных задачах и планах Укрзалізниця, о четком контроле их выполнения, о структуре тарифа, о принципах его формирования, об антикоррупционных вещах, которые нужно проводить в Укрзалізниця. Это все то, что прописано в контракте нынешнего главы Укрзалізниця, ничего нового. Это то, чем он непосредственно должен заниматься. И я надеюсь, что они этим займутся и покажут конкретный результат. Если убрать коррупцию и навести порядок в структуре тарифа, то денег и без